

УДК 32.019.51

В.А. ЕВСТАФЬЕВ
старший преподаватель¹

С.Н. СОКОЛОВА, д-р филос. наук, доцент
профессор кафедры межкультурных коммуникаций¹
¹Полесский государственный университет,
г. Пинск, Республика Беларусь

Статья поступила 10 апреля 2020г.

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИЯХ МЕХАНИЗМОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ МОЛОДЕЖИ

Предметом анализа стали содержание и формы трансформаций политических коммуникаций молодежи в постсоветский период.

Рассмотрены направления и особенности институциональных практик, оказавших влияние на изменение объемов и содержания современных политических коммуникаций молодежи.

Обозначены возможности по совершенствованию политических коммуникаций между политико-властными институтами и молодежной средой с использованием имеющихся ресурсов информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: *политическая коммуникация, молодежь, информационно-коммуникационные технологии, политическое участие, институциональный механизм, молодежные собрания, политические взаимодействия.*

EVSTAFYEV V.A.
Senior Lecturer¹

SOKOLOVA S.N., Doctor of Philos. Sc., Associate Professor¹
¹Polesky State University, Pinsk, Republic of Belarus

STATE INSTITUTIONS OF BELARUS IN THE PROCESS OF POLITICAL PARTICIPATION

The subject of the analysis is the content and forms of transformations of political communications of young people in the post-Soviet period.

The directions and features of institutional practices that have influenced the change in the volume and content of modern political communications of young people are considered.

Opportunities for improving political communication between political and power institutions and the youth environment using the available resources of information and communication technologies are outlined.

Keywords: *political communication, youth, information and communication technologies, political participation, institutional mechanism, youth meetings, political interactions.*

Введение. Политическая глобализация и развитие информационной сферы (инфосферы), а также инновационных средств коммуникации становится одной из основополагающих тенденций развития полицивилизационного мира. Доминирование интернет- и киберпространства как вектора развития общественных отношений, медиатизация политики в условиях информационного общества, а также усиление политизации информационных технологий активно воздействуют на социальную реальность и актуализируют исследовательское внимание к интерактивным коммуникациям. При этом на передний план выходит проблема адаптации к данным процессам механизмов реализации государственной молодежной политики, магистральным направлением которой является обеспечение гражданского самосознания и созидательной политической активности молодежи.

Интеграция и унификация современной инфосферы, создание наднационального уровня мировой информационной структуры обеспечивают результативное диалоговое взаимодействие, эффективное социокультурное сотрудничество между различными государствами на основе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Интенсификация применения средств коммуникации, развитие информационных технологий (компьютеризация, Интернет, виртуальное пространство), а также сетевая мозаика, трансформируют способы массовых коммуникаций и изменяют структуру общественного сознания молодежи.

На современном этапе происходит активная дифференциация социума, предопределяемая изменениями финансово-экономической и антропо-социо-культурной форм человеческой экзистенции, провоцирующими обновленное социально-статусное разграничение в информационном обществе. Происходящие в современном мире изменения, касающиеся, в том числе, и междуна-

родной безопасности, сопровождаются внедрением современных информационно-коммуникационных технологий, обуславливающих вовлечение молодежи в политические процессы посредством инфосферы [1, с. 5], которая «...определяет поведенческие качества личности и формирует созидательное сознание граждан» [2, с. 3].

Актуальность вопросов, связанных с детерминированностью политической активности молодежи процессами политизации информационных технологий обусловлена следующими причинами:

во-первых, развитие инфосферы в современном коммуникационном пространстве характеризуется трансформациями общественного сознания и формированием локального мышления молодежи.

во-вторых, преобразование, циркуляция, масштабы информации в интернет-сообществе изменяют ценности молодежи и в процессе сетевой коммуникации, выступающей в качестве конкурентной инфосферы и обуславливающей специфику механизмов сетевой социализации молодежи.

в-третьих, медиатизация политики, видеоконтент ангажирует инфосферу, вследствие чего умышленно изменяются политические приоритеты, культурные смыслы, которые необходимы, чтобы задать максимально четкий вектор при осуществлении диалогового взаимодействия, позволяющего реализовывать политическую мобилизацию молодежи [3].

Основная часть. Политика как разновидность масштабной социальной деятельности по реализации значимых интересов населения предполагает наличие активных взаимодействий между ее субъектами. Обеспечение эффективности политической деятельности предполагает использование в своих целях приемов создания (подготовки) передачи, приема, обмена и оценки информации, совокупность которых обозначается с использо-

ванием категории «политическая коммуникация».

В зарубежной политической науке разработку основ теории политической коммуникации осуществляли такие западные исследователи, как Г. Лассуэл (пятиступенчатая модель коммуникативного акта и теория «волшебной пули»), У. Липпман (введение в научный арсенал понятия «стереотип» и «повестка дня»), К. Шеннон и У. Уивер (математическая модель линейной передачи сообщений), У. Шрам (интерактивная модель: четыре уровня целей коммуникации: информационный, транзакционный, интерактивный, действие), К.И. Ховланд (теория убеждающей коммуникации), Д. Фулджер (экологическая модель: коммуникация как фактор функционирования общественной системы), Л. Кинкейд (конвергентная модель коммуникационного процесса: коммуникация как взаимодействие двух акторов, где конечная цель – коллективное действие), а также К. Черри, Дж. А. Андерсон, Р. Буд, Б. Рубен, Ф. Дэнс, С. Литлджон, Э. Барноу, Дж. Гребнер, Р. Т. Крэйг, В. Донсбах и др. Вклад в развитие теории политической коммуникации внесли также российские и украинские ученые – Ф.И. Шарков, Л.Н. Тимофеева, А.И. Соловьёв, М.Н. Грачёв, С.В. Володенков, А.С. Мадатов, О. Ф. Шабров, Почепцов Г. Г. В Беларуси изучение политической коммуникативистики как науки носит формирующийся характер, однако отдельные аспекты политических коммуникаций изучаются такими учеными, как Н.А. Антанович, С.В. Решетников, О.Е. Побережная, И.М. Ильина, Н.Н. Левчук, Л.А. Савицкая, А.Я. Сарна, Д.Г. Ротман, А.В. Посталовский, А.Е. Мацевило и др. [4, с. 94].

На данном этапе в рамках наиболее общих теоретических представлений к перечню базовых составляющих политической коммуникации принято относить ее субъекты, цели, задачи (функции) и средства, политическую информацию (сообщение) и ее типы, смыслы и их интерпретации, виды, способы и модели политической коммуникации, а также институты политической коммуникации: информационно-коммуникативные системы и системы средств массовой коммуникации [5, с. 78].

В пространстве подходов к определению политической коммуникации к настоящему времени основные позиции занимают ее интерпретации как процесса передачи политической информации, с помощью которого

информация циркулирует между различными элементами политической системы, а также между политической и социальной системой (Р.-Ж. Шварценберг), а также как элемента политической системы, эффективность функционирования властных институтов которой определяется их способностью к упорядочиванию информации и налаживанию осмысленных контактов между субъектами политических отношений (К. Дойч) [6].

В данном аспекте выделяется позиция Ю. Хабермаса, который связывал возможность изменения политического порядка с целенаправленной политической коммуникацией. Основой делиберативной демократии по Хабермасу выступает диалог о политических ценностях и нормах, а также выработка соответствующих обучающих действий по их формированию в рамках выделенного им особого типа политической реальности – публичной сферы. [7].

По мнению российского политолога А.Соловьева, в процессе обмена информацией принципиальное значение имеет способность субъекта осмысленно воспринимать сообщения, что указывает на субъективированную природу восприятия, истолкования и усвоения информации и выраженную условность возможности самой информации породить коммуникации [8, с. 357].

К наиболее значимым аспектам функционирования системы политических коммуникаций необходимо отнести обеспечение ее устойчивого характера и поддержание преемственности в процессах сохранения, воссоздания и обновления базовых смыслов общественного развития. В качестве первостепенного условия решения данной задачи, по нашему мнению, возрастает актуальность десимулятивности в определении предметных поводов политических коммуникаций, а также противодействие размыванию ценностных оснований их смысловых интерпретаций. Среди приоритетных стабилизирующих факторов по отношению к коммуникативным процессам в политической сфере также заслуживает внимания способность к адекватной рефлексии появления угрожающих общественному порядку вызовов и понимания объективной непреложности продуцируемых ими изменений в различных социальных подсистемах.

Обращение к субъектному измерению проблемы сохранения целостности политического пространства, представляемого в формате совокупности коммуникаций, неиз-

бежно приводит к постановке вопроса о роли в процессе их воспроизводства со стороны «наследующей страты» – молодежи. Под воздействием наступившей эпохи ИКТ и обусловленных их экспансией сдвигами в механизмах социализации происходит реформатирование социально-психологической картины внутреннего мира и моделей политического поведения современной молодежи. Отмечается большая пластичность структуры личности молодых людей, сформировавшихся под интенсивным воздействием хаотичных потоков информации (в интернете, и, особенно, в социальных сетях). Новое поколение существенно легче, чем предшествующие меняет свое мнение, точку зрения и базовые представления (включая представления о добре и зле), менее готово их отстаивать и склонно применяться к меняющимся обстоятельствам, а не пытаться изменить или хотя бы понимать их [10, с. 138].

Рассмотрение и оценка статусно-ролевых позиций, занимаемых молодежью в современных схемах политических коммуникаций, по нашему мнению, может быть наиболее продуктивным посредством выявления сравнительной динамики наиболее показательных индикаторов участия молодых людей в информационных процессах политической системы в сопоставимые периоды ее функционирования. Для решения данной задачи представляется возможным принятие в качестве референтного образца в организации системного подхода политических коммуникаций молодежи, те механизмы их воспроизводства, которые приобрели свои завершенные формы в позднесоветский период.

Отметим, что именно на данном историческом этапе, в числе прочих, был создан цивилизационный прецедент, сущность которого состояла в непосредственном институциональном увязывании формализованной молодежной политической и гражданской активности с базовыми политико-экономическими процессами в обществе: с государственным строительством, с участием в принятии решений в органах политико-властного и производственного управления, с решением важнейших народнохозяйственных задач, а также с идейно-воспитательной и культурно-просветительской работой в молодежной среде. В этой связи, по нашему мнению, позитивный опыт реализации массового включения молодежи в наиболее значимые социальные и масштабные социально-

политические преобразования в советский период можно рассматривать в качестве модельного источника для сопоставления с особенностями современных практик молодежных политических коммуникаций.

Практики государственного строительства и управления советского периода обеспечили агрегирование молодежной политической и гражданской активности в разнообразных формах на всех «этажах» социальной иерархии. Данный процесс начинался в пространстве школы, техникума и вуза, в которых политические коммуникации проходили стадию первичного формирования и моделирования. Далее они оттачивались и функционировали в трудовых коллективах, и приобретали высшую форму в системе государственного управления комсомольской, партийной и профсоюзной работы. Объективно-ценностный характер молодежных политических коммуникаций выражался в их соответствии общеустановленным целям развития общества, которые фиксировались в стратегических политико-нормативных документах и транслировались в массовое сознание посредством централизованных механизмов пропаганды и агитации.

К основным направлениям институциональных деструкций, оказавшим негативное влияние на изменение объемов и содержания политических коммуникаций молодежи в постсоветский период необходимо отнести:

– отказ от квотирования молодежного представительства в системе законодательных органов власти и в общественных структурах на предприятиях, в учреждениях и организациях;

– ликвидацию базовых механизмов политического образования молодежи и дискриминационную политику в отношении вузовской политологической подготовки студентов в настоящее время;

– игнорирование мероприятий по политическому воспитанию и формированию навыков конструктивного политического участия молодежи при планировании республиканских программ государственной молодежной политики;

– разрушение механизмов воспроизводства политического языка, в частности, посредством прекращения выпуска массовой политической литературы и специализированных аналитических политических телевизионных и радиопередач.

– ликвидацию целевого молодежного сегмента в СМИ и его видовую и ценностную

деформацию в структуре актуальных процессов воспроизводства культурных ценностей.

Значительная часть политических коммуникаций в молодежной среде в дотрансформационный период происходила в форме непосредственных групповых и межличностных взаимодействий, как правило, в формате комсомольских, профсоюзных и общих собраний. Несмотря на известную заорганизованность и бюрократизацию процедуры комсомольских собраний в 70-80-е г.г., участие в них культивировало у молодых людей рациональное мышление и стремление к накоплению знаний о политической ситуации в стране и в мире, вырабатывало способности к политическому анализу и умение четкой аргументации, формировало навыки политического и гражданского активизма, коллективной организации и взаимодействия. На примере обвала устоявшегося десятилетиями порядка организации молодежных собраний (в основном комсомольских) как базовой формы политических коммуникаций отразим обусловленные данным разрушением в последующем системных трансформаций, обозначив их перечень и содержание.

Во-первых, произошла дерационализация политического поведения молодежи, которая выразилась в постепенной утрате у молодого поколения:

– знаний (вплоть до базовых) о политической системе, ее институтах и о содержании текущих политических процессов;

– способностей выстраивать и понимать корреляции между общесоюзной, местными и ведомственными актуальными повестками дня;

– умений изучения и публичного обсуждения возникающих проблем, использования адекватной аргументации и активного поиска вариантов их разрешения;

– навыков согласованных коллективных действий и управления групповыми коммуникациями и поведением.

Во-вторых, в силу изменения характера отношений собственности на средства производства и трансформации структуры деятельности властных институтов и производственных предприятий произошло фактически одномоментное отчуждение молодежи от политико-управленческих процессов на всех уровнях государственно-административной и производственной иерархий. Следствием данного отчуждения стал демонтаж управленческих взаимодействий, выстроенных по принципу обратной связи, частичная делиги-

тимация общегосударственных решений в массовом сознании молодежи, а также резкое снижение уровня реальной политической и гражданской субъектности молодых людей.

В-третьих, исчезла преемственность в процессах подготовки кадрового резерва в составе государственных и политических организаторов. В ходе процессов т.н. «демократизации», «десоветизации» и «декоммунизации» политического режима в 1991-1992 г.г., и в последующий период была проведена (несмотря на ее мягкую форму) идеологическая и профессиональная дискредитация государственных, партийных и комсомольских работников. В результате многочисленный кадровый корпус (включая молодых комсомольских работников) организаторов-практиков, имевших ценный опыт созидательной деятельности в сфере государственного строительства, был одномоментно исключен из процессов принятия управленческих решений. Выдавливание профессиональных управленцев из сферы государственной молодежной политики привело к постепенной архаизации и примитивизации процессов реализации ее программ.

В-четвертых, существенно понизился общий уровень публичности государственной, молодежной, местной и ведомственно-корпоративной политики. Был осуществлен негласный отказ от регулярной, публичной и формализованной отчетности со стороны избираемых и назначаемых руководящих должностных лиц в системе законодательной и исполнительной власти, а также ведомственных руководителей перед населением страны, ее регионов, а также перед работниками предприятий, учреждений и организаций.

В-пятых, в условиях повышенной напряженности и неопределенности протекания внутри- и внешнеполитических процессов, детерминирующих объективную потребность в повышении готовности молодежи к любым видам социальной и политической мобилизации, уровень представлений о мобилизационном поведении в массовом молодежном сознании вне демонтированных процедур регулярных собраний существенно снижен.

В-шестых, деструкцией порядка молодежных собраний с общезначимой государственно-политической повесткой дня были сформированы благоприятные идеологические и организационные предпосылки для возможного «перехвата» организационно-психологического влияния над наиболее со-

циально активной частью молодежи со стороны внешних государственных и наднациональных корпоративных структур, идейная матрица которых имеет агрессивно-экспансионистскую направленность на расшатывание государственного суверенитета стран, подвергшихся ее воздействию.

Таким образом, современные политические коммуникации молодежи оказались в положении, в котором они фактически лишены, в сравнении с советским периодом, специальных социально-экономических и политико-институциональных оснований, и могут осуществляться лишь в формате по существу факультативных процессов по отношению к базовым мейнстримам в политической системе.

Полагаем, что необходимо признать справедливым тезис российского исследователя-ювенолога Е. Омельченко о миссионерском (в политическом аспекте) характере советского конструкта образа молодежи [10]. Однако полагаем, что содержательности миссионерской интерпретации социально-политических ролей молодого поколения в условия новой цивилизационной формации недостаточно для понимания сущности переходных трансформаций в сфере молодежных коммуникаций. Новый, революционный и новаторский образ молодежи, сконструированный большевистской элитой в 1918-1920 г.г., стал выражением ее экстраполяции на представления об историческом предназначении молодого поколения интенций универсализма, всеобщности и всемирности, пронизывающих теоретическое наследие классиков марксизма. Масштабность и преобразовательная нацеленность всех измерений вновь создаваемого молодежного проекта могла иметь в соответствии с теоретическими посылами марксистского учения исключительно общесистемную социальную природу и не допускала каких-либо локальных или частных исключений из нее, обусловленных индивидуальными или узкогрупповыми особенностями или интересами [11]. При этом высокая функциональность организационных структур комсомола была обеспечена еще на начальном этапе создания.

Разрушение же СССР, сопровождавшееся деструкцией социальной и политической организации страны, в первую очередь стало великим идеологическим отказом, который не мог не повлечь за собой «обнуление» ролевых масштабов и предназначений своих ведущих акторов, в перечне которых моло-

дежи отводились приоритетные позиции. Частный капитал, ставший на руинах советской политической и экономической матрицы системным гегемоном социальной динамики и принципиально отвергающий любые формы конкуренции в пространстве определения ценностно-смысловых предназначений (кроме погони за прибылью), выталкивает современную молодежь за пределы актуальной политической повестки дня и низводит остатки ее былой субъектности в область низкостатусных организационных симулякров.

В этой связи полагаем, что именно десимулятивные и деимитационные исследовательские установки в сложившейся ситуации позволяют расширить познавательный потенциал общепринятых методологических подходов политической науки.

Советская политическая эпоха, пусть и в усеченном виде, смогла передать постсоветским политикам традицию представлений о молодежных общественных объединениях как об социально-групповых акторах, паспортные характеристики которых, в сравнении с иными из им подобных предопределяют возможности наиболее эффективного продуцирования и воспроизводства разнообразных в видовом и объемном отношении политических коммуникаций их участников. Отметим, что в первые годы постсоветского периода объективная необходимость, выраженная в коллективных ожиданиях и запросах населения на работу с молодежью, а также еще не вполне остывшая коллективная эмоциональная память о комсомольском наследии, мотивировала часть элит на постсоветском пространстве (включая Беларусь) на попытки организационного проектирования в молодежной среде. Однако в связи с рядом факторов, перечисленных выше, создаваемые молодежные организации (в нашем случае – БРСМ), несмотря на значительную по объемам финансовую поддержку со стороны государства, не смогли принять на себя функции создания объективно значимых средовых пространств для сколь-нибудь заметной части современной молодежи.

В совокупности предпосылок, формирующих субъектные характеристики молодых людей, которые актуальны в аспекте выстраивания политических коммуникаций, по нашему мнению, важен фактор существенного ослабления у них способности к логическому мышлению и восприятию информа-

ции. Данное обстоятельство приводит к тому, что формирующиеся в информационную эпоху люди меньше управляются знаниями и волей и больше – эмоциями и настроениями, которые они во многом черпают из социальных сетей [10, с. 138].

Содержание немногочисленных на данном этапе медиа-сообщений, инициируемых современными молодежными объединениями (прежде всего – БРСМ, а также вновь созданными молодежными палатами и парламентами) не позволяет рассматривать фиксируемую с их стороны активность, в рамках политико-коммуникационной терминологии как таковой. Причиной тому является, в основном, предельно сниженная локальность временных и пространственных масштабов мероприятий, на которую указывает содержание всех информационных поводов о современных общественных молодежных структурах. Смысловые акценты инициатив молодежных объединений, в целом, располагаются на периферии ключевых социальных потребностей современного молодежного сообщества, тяготеют к выражению в форме медийных презентаций и ориентированы, по преимуществу, на продуцирование визуальных эффектов от их восприятия. Что, в свою очередь, не позволяет относить их к категории политических коммуникаций.

Показательным является то, что резонансной амплитудой обладают информационные сообщения об активности молодежных объединений, отражающие либо процедуры их создания (формирования), либо презентации «стартов» тематических акций. Однако при этом в информационном пространстве страны практически отсутствуют материалы об итоговой практической результативности исполненных молодежных программ, зафиксированной с применением общепринятых оценочных показателей. Не менее иллюстративным индикатором состояния политических коммуникаций молодежи также можно считать устойчивую ненаблюдаемость визуализации общественно значимых масштабных молодежных проектов в сетевых и публичных городских пространствах, несмотря на наличие для их потенциальных авторов широких популяризаторских возможностей в информационно-коммуникационных сфере.

Функция наиболее значимого в компенсаторном аспекте «заместителя» советской тотально-универсалистской модели политических коммуникаций молодежи на современном этапе развития общества постепенно за-

крепляется в социально-философском и политологическом сообществах за сферой информационных технологий. Ее бурное развитие инициировало создание теории наступления эпохи «информационного общества», коренным образом преобразующего все типы социальных взаимодействий, включая и их политическую составляющую. В этом направлении за последние четверть века опубликован обширный перечень авторских теоретических работ, принадлежащих Ф. Уэбстеру, М. Кастельсу, М. Маклюэну, Р. Дейберту, В.Л. Иноземцеву, А.И. Соловьеву, М.Н. Грачеву, С.Г. Кара - Мурзе, С.Н. Чируну, Н.К. Радиной и другим исследователям. В текстах данных работ, несмотря на имеющиеся отличия в подходах их авторов к способам описания информационно-коммуникационных технологий, прослеживается ценностная общность в оценке значения медийно-сетевых факторов как модернистских социальных механизмов, способных кардинально воздействовать на общественное сознание и современные политические процессы. Публикуется немало исследований, отводящих самостоятельную роль в реализации функций политического участия населения и, в первую очередь – молодежи, сетевому интернет-пространству. Ключевым аргументом в обосновании эффективности новой модели политических взаимодействий выступает актуализация организационных преимуществ, возникающих при объединении возможностей сетевого принципа построения структуры гражданских сообществ с ресурсами современных информационно-коммуникационных технологий.

Вместе с тем, содержание информационных материалов об использовании ИКТ в сфере общественных взаимодействий не указывает на широкое распространение конструктивных практик, реализованных посредством активного включения молодых людей в политические процессы с применением компьютерных социальных сетей. Напротив, опыт активистского погружения молодежи в события, связанные с массовыми уличными выступлениями в ряде европейских (включая Беларусь) и ближневосточных стран в ходе т.н. «цветных революций» отличается в большинстве случаев протестной направленностью предпринятых молодыми людьми действий, отсутствием в их политическом поведении выраженной целевой автономности, а также сугубой утилитарно-инструментальной моделью подчинения ро-

левых статусов интернет-сетевых сообществ интересам внешних по отношению к ним субъектов данных акций.

При этом прослеживается устойчивая пассивность иерархии структур государственного управления страны в моделировании протоколов по развитию сетевых технологий, использование которых могло бы активизировать конструктивное политическое участие ее молодых граждан. Содержание смысловых и деятельностных направлений в политическом сегменте ИКТ, которые, по нашему мнению, требуют властного институционального реагирования, может быть представлено в следующем порядке:

– участие в сетевых политических коммуникациях должно приобрести статус общеобязательного организационного принципа в процедурах подготовки, принятия и реализации решений в системе органов государственного управления всех территориально-административных уровней;

– необходимо актуализировать комплексное научное осмысление роли сетевых информационно-коммуникационных технологий в процессах общей и политической социализации молодежи, организовать выработку соответствующего научного понятийного аппарата, а также обеспечить централизацию программ научных исследований в данной предметной области;

– должны быть сформированы протоколы действий, обеспечивающие включение в функциональную структуру системы образования формализованных представлений о роли сетевых политических и гражданских коммуникаций в актуальной повседневности молодых людей;

– фактором рационализации управленческих решений и активизации политического участия граждан (а также политической социализации молодых граждан страны) может стать включение их в обсуждение проектов социально значимых нормативно-правовых актов;

– возможности сетевых информационных технологий по накоплению, систематизации и распространению актуальной политической информации могут быть формализованы посредством создания баз данных решений органов местного самоуправления и управления и обеспечения к ним публичного доступа граждан;

– процедуры включения молодых граждан в управленческие сетевые коммуникации должны получить регламентацию, предпола-

гающую расширение пространства их реальной политической субъектности;

– сетевые информационные ресурсы органов госуправления должны быть оснащены технологическими возможностями (по образцу интернет-форумов), обеспечивающими двухсторонние коммуникации с населением в формате полноценной обратной связи;

– эффективность функционирования депутатского корпуса может быть повышена путем создания персональных интернет-аккаунтов народных избранников с размещением детальной отчетности о результатах их текущей профессиональной деятельности. При этом существующая архаическая схема взаимодействия депутатов с избирателями, основанная на непосредственных личных контактах и имеющая явные ресурсные ограничения должна быть дополнена техническими возможностями, институализирующими сетевое обращение граждан к их политическим избранникам;

– партиципаторный принцип политического участия, дополненный использованием возможностей сетевых информационных технологий, позволит оптимизировать решение задачи формирования гражданских экспертных сообществ (как минимум, местных – городских и районных), вовлекаемых в процессы выработки управленческих решений в рамках данных административно-территориальных уровней.

Заключение. Авторы статьи пришли к следующим выводам:

во-первых, признаков сколько-нибудь адекватной институциональной компенсации постсоветской деструкции механизма политических коммуникаций молодежи в современной белорусской политической действительности не обнаруживается;

во-вторых, инициирование процессов формирования, воспроизводства и развития политических коммуникаций в рамках программ государственной молодежной политики имеет характер, не соответствующий задачам полноценного политического становления молодых белорусов;

в-третьих, преодоление имитационного характера коммуникаций молодежи в структуре политических процессов и их институализация могут быть осуществлены посредством цифровой сетевизации не только структурных, но и функциональных составляющих деятельности органов госуправления и депутатского корпуса, формализации процедур их регулярной публичной отчетности и

коммуникаций с гражданами в диалоговом режиме, а также формирования экспертных групп по актуальным проблемам развития местных сообществ из состава молодежных активистов.

Список литературы

1. Соколова, С. Н. Международная безопасность в информационном обществе: основные функции государственного регулирования // С. Н. Соколова, А. А. Соколова. Информационное право. – 2018. – № 3. – С. 4 – 7.
2. Слука, О. Г. СМИ Беларуси в условиях строительства социально ориентированной экономики /О. Г. Слука.– Минск: БГУ, 2014. – 59 с.
3. Евстафьев, В. А. Современное общество: духовные аспекты информационной безопасности личности / В. А. Евстафьев, С. Н. Соколова // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук : научно-практический журнал. – 2016. – № 1. – С. 49 – 55.
4. Костиневич, К. Становление политической коммуникативистики как науки / К. Костиневич // Thesaurus : зб. навук. пр. / Магілёўскі інстытут МУС. Магілёў, 2019. Вып. 6 : Камунікацыйныя асновы сучаснай цывілізацыі. С. 93 – 108.
5. Грачев, М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. / М. Н. Грачев. – М. : Прометей, 2004. – 328 с.
6. Deutsch K. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. N.Y., 1966.
7. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2000. – 377 с.
8. Соловьев, А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов / А. И. Соловьев. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 559 с.
9. Делягин, М. Особенности современного общества. / М. Делягин. Наш современник. – 2018. – № 2. – С. 136 – 141.
10. Омельченко, Е. Л. Молодежь: Открытый вопрос / Е. Л. Омельченко. – Ульяновск: Изд-во «Симбирская книга», 2004. – 184 с.
11. Ленин, В. И. Задачи союзов молодежи: Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г. / В. И. Ленин. – М.: Молодая гвардия, 1982. – 32 с.

References

1. Sokolova S. N. Mezhdunarodnaya bezopasnost' v informacionnom obshche-stve: osnovnye funkicii gosudarstvennogo regulirovaniya [International security in information society: basic functions of the state regulation (in Russian)]. *Informacionnoe pravo* [Information law]. 2018. no 3, pp. 4–7. (in Russian)
2. Sluka O.G. *SMI Belarusi v usloviyah stroitel'stva social'no orientirovannoj ekonomiki* [Mass media of Belarus in the conditions of construction of socially oriented economy]. Minsk: BGU, 2014. 59 p. (in Russian)
3. Evstaf'ev V.A. Sovremennoe obshchestvo: duhovnye aspekty informacion-noj bezopasnosti lichnosti [Modern society: spiritual aspects of information security of personality]. *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennyh i gumanitarnykh nauk*. [Bulletin of Polessky State University. Series of the social and humanitarian sciences]. 2016. no 1, pp. 49–55. (in Russian)
4. Kostinevich K. Stanovlenie politicheskoy kommunikativistiki kak nauki [Formation of political communicativism as a science]. *Thesaurus / Magilyoŭski instytut MUS. Vyp. 6 : Kamunikacyjnnyya asnovy suchasnoj cyvilizacyi* [Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs. 6: The communicative foundations of modern civilization]. 2018. no 3, pp. 4–7. (in Russian)
5. Grachev M. N. *Politicheskaya kommunikaciya: teoreticheskie koncepcii, modeli, vektory razvitiya* [Political communication: theoretical concepts, models, vectors of development]. Moscow: Prometheus, 2004. 328 p. (in Russian)
6. Deutsch K. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. N.Y., 1963. 316 p. (in Russian)
7. Habermas YU. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie* [Moral consciousness and communicative action]. SPb.: Nauka, 2000. 377 p. (in Russian)
8. Solov'ev A. I. *Politologiya: Politicheskaya teoriya, politicheskie tekhnologii: Uchebnik dlya studentov vuzov* [Political Theory, Political Technologies: Textbook for University Students]. Moscow: Aspect Press, 2003. 559 p. (in Russian)
9. Delyagin M. *Osobennosti sovremennogo obshchestva* [Peculiarities of Modern Society]. *Nash sovremennik* [Our contemporary]. 2018. no 2, pp. 136 – 141. (in Russian)

10. Omel'chenko E. L. *Molodezh': Otkrytyj vopros* [Youth: Open question]. Ulyanovsk: Ulyanovsk: «Simbirskaya kniga», 2004. 184 p. (in Russian)
11. Lenin V.I. *Zadachi soyuzov molodezhi: Rech' na III Vserossijskom s"ezde Rossijskogo Kommunisticheskogo Soyuza Molodezhi 2 oktyabrya 1920 g.* [Problems of Youth Unions: Speech at the III All-Russian Congress of the Russian Communist Union of Youth, October 2, 1920]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1982. – 32 s. (in Russian)

Received 10 April 2020